

Мещанский Александр Юрьевич

КАТЕГОРИЯ СЧАСТЬЯ В ДРАМАТУРГИИ Е. ГРИШКОВЦА

Предмет анализа в рамках настоящей статьи составляет категория счастья и её место в содержательной структуре пьес Е. Гришковца. Особое внимание автор уделяет сюжетобразующей функции элементов текста, воплощающих эту категорию; рассматривает различные аспекты категории счастья, явленной в пьесах Е. Гришковца на уровне проблематики и отражающей личностную и творческую самореализацию драматурга.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 157-159. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 882(091)191

Филологические науки

Предмет анализа в рамках настоящей статьи составляет категория счастья и её место в содержательной структуре пьес Е. Гришковца. Особое внимание автор уделяет сюжетообразующей функции элементов текста, воплощающих эту категорию; рассматривает различные аспекты категории счастья, явленной в пьесах Е. Гришковца на уровне проблематики и отражающей личностную и творческую самореализацию драматурга.

Ключевые слова и фразы: драматургия Е. Гришковца; категория счастья; человек и общество; социально-бытовая проблематика.

Мещанский Александр Юрьевич, к. филол. н., доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Северодвинске
a.meshchanskiy@narfu.ru

КАТЕГОРИЯ СЧАСТЬЯ В ДРАМАТУРГИИ Е. ГРИШКОВЦА[©]

Понятие счастья согласно различным этическим концепциям предполагает осознание человеком смысла жизни, так как в общем виде счастье может быть определено как состояние удовлетворенности своей жизнью. Философское понимание счастья вырабатывала каждая эпоха. Во многих этических системах счастье провозглашалось неотъемлемым правом человека, стремление к счастью рассматривалось как приращенное свойство личности, и в этих учениях счастье и стремление к нему рассматривалось в качестве основы и источника моральной деятельности. «Несмотря на всю горестность своего удела, человек хочет быть счастливым, во что бы то ни стало счастливым, он просто не может этого не хотеть», – писал в XVII веке Б. Паскаль [13, с. 159].

Начиная с эпохи Просвещения, европейская философия стремилась понять, что такое счастье, возможно ли оно, где его искать, а методы, направленные на то, чтобы «сделать» человека более счастливым, разрабатывались в психологии и психоанализе с момента возникновения этих наук. В условиях современной социокультурной ситуации вопросы, связанные с феноменом счастья, вызывают заметный интерес со стороны самых разных наук и общественных институтов. Как справедливо заметил Н. Ссорин-Чайков: «Только сейчас антропологи, историки, социологи начинают задаваться вопросом, почему в наше время, и буквально сегодня, и – шире – в новое и новейшее время, счастье занимает центральное место не просто в понимании смысла человеческой жизни, но в организации общества» [14].

Осмысление категории счастья тесно связано с национальными особенностями представлений о нем. В частности исследователи отмечают дуалистичность русского национального восприятия счастья. По мысли Л. Якушевой «жизнеустройство русского человека предполагает заведомую недостижимость счастья, его «странничество» и «странность»» [15, с. 199]. Поляризованность национального представления о счастье выражена в русских пословицах и поговорках: *не было бы счастья, да несчастье помогло; счастье, что палка – о двух концах; счастье с несчастьем смешалось – ничего не осталось.*

Действительно, в русской ментальности счастье имеет оборотную сторону, ассоциируемую, как правило, с несчастьем, бедой, страданием. В интересном ракурсе эта тема раскрывается в драматургическом творчестве Е. Гришковца. Автор, с одной стороны, апеллирует к сложному, амбивалентному, русско-специфичному пониманию счастья, а с другой, – пытается воспроизвести его личностные переживания счастья, свойственные обывательскому сознанию современного человека. Мысли Гришковца о счастье, нашедшие воплощение в его пьесах, определяют, на наш взгляд, ключевые особенности творческого почерка этого драматурга.

Реализация категории счастья в драматургических произведениях Гришковца характеризуется многогранностью индивидуально-авторского понимания. Мы рассмотрим различные аспекты категории счастья, явленного в пьесах автора на уровне проблематики и отражающего личностную и творческую самореализацию драматурга.

«Несчастливые имеют более верное и точное представление о счастье», – писал А. Вампилов [2, с. 476]. Вызывание известного отечественного драматурга в каком-то смысле характеризует героя Гришковца, в пьесах которого, как и в пьесах Вампилова, «ощутимо пристрастие к одному человеческому типу – рефлексирующему герою 30–40 лет, ощущающему нравственный дискомфорт, недовольство своим образом жизни и «раннюю усталость» от неё» [6, с. 61]. Это возраст подведения неких итогов: каким хотел быть и каким стал, почему не состоялся таким, как хотел в юности и др. Герой приходит к выводу, что эта планка была слишком высокой, по разным причинам заданную высоту взять не удалось. Он стремится разобраться в себе, обрести гармонию с миром и самим собой. Этот герой – «обыкновенный» человек, со средней внешностью, средним достатком и средними возможностями» [3, с. 30]. Как отмечает С. Я. Гончарова-Грабовская, герой-рассказчик Гришковца «не решает сложных вопросов бытия, а рассказывает и вспоминает о том, что всем нам хорошо знакомо, но подает это так, что заставляет посмотреть на себя и на мир иначе, без налета фальши и игры, по-человечески тепло и добродушно. Такой герой необычен для социума начала XXI в. Вместо супермена, стремящегося всеми силами утвердиться в жизни, перед нами нормальный человек, с глубоким чувством и пытливым умом. Такой герой – антипод «новых русских», но именно он близок и интересен зрителю» [Там же, с. 31].

Действительно яркий индивидуализм и исповедальная искренность делают героя Гришковца, в каком-то смысле, героем нашего времени. Подобно предшествующим ему «неудачникам» из пьес А. Арбузова, А. Володина, А. Вампилова, Л. Петрушевской, сценический «представитель» Гришковца «всегда не готов к счастью», потому что «больше всего готов к неприятностям, к каким-то подвохам или огорчениям» [5, с. 171]. Именно этим обусловлена актуализация личностной рефлексии моногероя автора, перманентно стремящегося к разрешению конфликта с окружающим миром и со своей собственной, человеческой природой.

Неудовлетворенность жизнью заставляет его вернуться в прошлое, к истокам своей жизни, к дням молодости. В пьесах «Зима», «Планета», «Как я съел собаку», «+1», «Дом» Е. Гришковец с трогательной нежностью воссоздает мир своего детства, собственной семьи, откуда он продолжает черпать силы и во взрослой жизни. «Я скучаю по себе, счастливому. Не по себе маленькому, а по себе счастливому, по себе, неодинокому, по себе, самому лучшему на свете, по себе, любящему всех», – говорит герой-рассказчик монодрамы «+1» [Там же, с. 174]. Фраза «я скучаю» звучит рефреном в узком контексте пьесы 13 раз, создавая эмоциональный накал, вызванный ностальгией по детским ощущениям «прекрасных и непонятных субстанций счастья» [Там же, с. 175]. Аналогичную тоску по миру детства, когда «ты еще не догадываешься, что тебя могут сильно не любить» [4, с. 174], и не состоялся процесс инициации из «милого, единственного, умного мальчика» в «одного из грязных, затравленных, некрасивых паренчиков» [Там же, с. 195], испытывает герой пьесы «Как я съел собаку». Период детства и образ ребенка формируют центральную зону концептосферы счастья в драматургии Е. Гришковца.

Для героев драматурга счастье – это, прежде всего, состояние души, не зависящее от социального, материального или физического благополучия: «Счастье не равно хорошим обстоятельствам, оно больше всех причин, оно намного больше, чем: хорошая погода + хорошая компания + красивое место + прекрасное самочувствие + любовь и любимая рядом + успех и благополучие + уверенность в завтрашнем дне... Нет! Счастье больше, чем сумма всего самого хорошего» [5, с. 170]. Примечательно, что состояние счастья герои пьес Гришковца нередко испытывают в далеко не подходящих для этого социально-бытовых условиях.

«Осознаю свое счастье именно в те минуты, когда я был наиболее несчастлив», – писал А. Чехов [9]. Именно такое, парадоксальное, алогичное с утилитарно-бытовой точки зрения счастье испытывают некоторые герои пьес Гришковца. Так Сергей Басин («Город»), тяжело переживающий кризис семейных отношений, вспоминает начало своей супружеской жизни и пытается понять причины того «элементарного» счастья, которое он когда-то мог испытывать, живя в постоянной нужде и бедности. «Вот смотри, – говорит он своей жене Татьяне, – я отчетливо помню, как мы с тобой купали наш первый диван. Как у нас не хватало денег, мы просили его нам оставить, потом радовались, когда его купили... что удачно купили. А теперь не могу вспомнить само ощущение. Само ощущение радости. Я помню, что радовался, но не помню как» [4, с. 119]. Примечателен тот факт, что в списке действующих лиц имена героев указаны, тем не менее, их реплики на протяжении всей пьесы даются под номинациями *Он* и *Она*. Этот прием позволяет автору сделать акцент на проблеме обезличивания человека, его детерминированности социальной сферой. Подобные переживания испытывает и женщина, о которой рассказывает моногерой пьесы «+1». Будучи женой состоятельного человека, она, «заливая» личное горе коньяком, со щемящей тоской вспоминает то счастливое время, «когда в маленькой, съемной квартире была любовь, дети и смех» [5, с. 193].

Категория счастья в драматургических текстах Гришковца имеет тесную взаимосвязь с концептом Другой. В противовес знаменитой формуле Сартра «кад – это другие», Е. Гришковец проводит мысль о том, что подлинное счастье возможно лишь благодаря познанию Другого, или, точнее говоря, познанию себя в Другом. Полная автономия личности может привести к болезненному замыканию индивидуума на себе или к растворению в массе. Дар находить себя в Другом является для писателя залогом счастья человека. Как справедливо заметил В. Даль, «не может русский человек быть счастлив в одиночку, ему нужно участие окружающих, а без этого он не будет счастлив» [7]. Практически все герои пьес Гришковца испытывают нужду в Других, ищут их соучастия в своей судьбе. «Можно быть счастливым, если ты точно знаешь, что тебя ждут...», – говорит герой пьесы «Планета». Сходную мысль высказывает и моногерой пьесы «+1»: «Как же мне важно знать, что из всего этого человечества я хоть кому-то нужен! А лучше – необходим. Кто без меня не может? И так важно быть уверенным в необходимости себя кому-то» [5, с. 189].

Как правило, герои пьес Гришковца объективно несчастные люди. Их неудовлетворенность своей жизнью связана с темой иллюзорности человеческого счастья. Трагедия несчастных людей по Гришковцу заключается в том, что в их представлении истоки счастья коренятся во внешних условиях жизни, хотя оно полностью зависит от внутреннего состояния человека. У главного героя пьесы «Дом» врача Игоря «есть все признаки счастливого человека», но нет «ощущения счастья» [Там же, с. 327]. Так, в частности, покупка новой квартиры, о которой он мечтал, не приводит к долгожданному счастью. Уже через неделю сбывшаяся «мечта идиота» превращается в свою противоположность – «квартира стала раздражать» [Там же]. Автор иронизирует по поводу идеалов «американской мечты» о «сытом» счастье. Непобедимые супермены американских блокбастеров, которых не мучают внутренние конфликты и «проклятые вопросы», и у которых «с любовью все в порядке», вызывают усмешку у героя пьесы «Планета»: «Но я ведь не могу об этом всерьез мечтать» [4, с. 304]. Интересно отметить, что о разлагающих последствиях «животного» счастья писал А. Чехов: «Счастье и радость жизни не в деньгах и не в любви, а в правде. Если захочешь животного счастья, то жизнь, все равно, не даст тебе опьянеть и быть счастливым, а то и дело будет огорошивать тебя ударами» [8].

Герой пьес Е. Гришковца находится в состоянии внутреннего движения к самому себе. Его непрерывная рефлексия, самоанализ – духовный акт воскрешения личности, стремление связать свой внутренний мир с жизнью

мироздания. Для моногероя пьесы «+1» пребывание в летнем лесу неожиданно преобразуется в приобщение к тайнам Вселенной: «И ты понимаешь, что стоишь в центре Вселенной, в самом центре. <...> Ты забываешь, что есть еще в этом мире люди <...> Никого... И тебя тоже не становится. Тебя тоже нет. Если ты забыл, что ты человек, значит, ты исчез. Только видно и слышно, только небо и звуки. И даже ощущается, как с тихим скрипом вращается вокруг своей оси Земля» [5, с. 206-207]. В этой сцене улавливается явная аллюзия на кульминационный эпизод вампиловской пьесы «Утиная охота», главный герой которой Виктор Зилов испытывает тоску по «другому берегу», остро ощущает необходимость выхода за пределы окружающего его мира, прикосновения к Высшему. Утиная охота – это своеобразный обряд причащения («это как в церкви...»), возвращение в лоно природы, вечности, когда, говоря словами Зилова-Вампилова, «тебя нет» и «ты еще не родился» [2, с. 259]. В сущности, герой готов к тому, чтобы «переплавить» свой духовный состав в купели вечности.

Е. Гришковец, как и многие его литературные предшественники (в том числе А. Гельман, Н. Сакур [10; 11] и др.), утверждает мысль о самоценности каждой человеческой личности. «Настоящий человек, – подчеркивал В. Набоков, – человек, который интересуется всем, включая и то, что интересно другому» [12, с. 9]. Внутренняя гармония присуща, по его мнению, только тому человеку, который обладает «диалогизированным самосознанием». Об этом типе самосознания писал М. Бахтин: «Овладевший внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним, вчувствования в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путем общения с ним, диалогически. <...> Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и —человек в человеке», как для других, так и для себя самого» [1, с. 293].

Диалогический характер творчества Е. Гришковца помогает понять авторский взгляд на мир, в котором сохранение индивидуальности и обретение истинного счастья достигается в том случае, когда личность оказывается способной слышать других. «Диалогизированное самосознание» героев Гришковца реализуется через их обращение к окружающему миру, к предметам, людям, прошлому, настоящему и будущему. Категория счастья может рассматриваться как одна из ключевых смысловых констант, определяющих характер развертывания содержательной структуры пьес Е. Гришковца. Поэтому её анализ имеет важное значение для филологической интерпретации творчества драматурга, выявления концептуально значимых особенностей его индивидуально-авторского видения мира.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
2. Вампилов А. Утиная охота: Пьесы. Записные книжки. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 544 с.
3. Владимир Иванович Даль [Электронный ресурс] // Цитаты и афоризмы. URL: <http://www.zitata.com/dal.shtml> (дата обращения: 25.10.2014).
4. Гончарова-Грабовская С. Я. Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века. М.: Флинта; Наука, 2008. 280 с.
5. Гришковец Е. Зима. Все пьесы. М.: Эксмо, 2007. 320 с.
6. Гришковец Е. Сатисфакция. М.: Махаон; Азбука-Аттикус, 2011. 400 с.
7. Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. М.: Флинта; Наука, 2005. 368 с.
8. Ермилов В. Чехов 1860-1904 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ownlib.ru/read-85488/ermilov-vladimir-vladimirovich/chekhov-1860-1904.html> (дата обращения: 25.10.2014).
9. Крылова Е. Актуальный Чехов [Электронный ресурс] // Единый мир: интернет газета от 18.04.2010. URL: http://kabmir.com/nepolitika/aktualnyj_chehov.htm (дата обращения: 25.10.2014).
10. Мещанский А. Ю. Поэтика мистического в творчестве Н. Гоголя и Н. Сакур // *Lingua mobilis*. Научный журнал. Челябинск, 2010. № 3 (22). С. 40-52.
11. Мещанский А. Ю. Содержательно-концептуальный потенциал заглавия пьесы В. Дурненкова «Север» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6: в 2-х ч. Ч. 2. С. 144-147.
12. Набоков В. Памяти И. В. Гессена / публ. и примеч. О. Сконечной // Литературное обозрение. 1999. № 2. С. 9-10.
13. Паскаль Б. Мысли. Избранное. СПб.: Анимас, 2012. 288 с.
14. Ссорин-Чайков Н. Утопия счастья как обязательный элемент современности [Электронный ресурс]. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7878-utopiya-schastyu> (дата обращения: 25.10.2014).
15. Якушева Л. А. Категория счастья в творчестве А. Арбузова // Драма и театр: сборник научных трудов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2007. Вып. VI. С. 198-212.

CATEGORY OF HAPPINESS IN PLAYS BY E. GRISHKOVETZ

Meshchanskii Aleksandr Yur'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Branch) in Severodvinsk
a.meshchanskiy@narfu.ru

In the article the category of happiness and its place in the meaningful structure of the plays by Grishkovetz are analyzed. Special attention is paid to the plot-forming function of text elements, which embody this category. The author considers different aspects of the category of happiness shown in the plays by E. Grishkovetz at the level of problematic and reflecting the personal and creative self-realization of the playwright.

Key words and phrases: plays by E. Grishkovetz; category of happiness; human being and society; range of social and living problems.